

Естественное состояние как «возможные истории» в «гражданской науке» Томаса Гоббса

Александр Михайловский

Аспирант Школы философии
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики,
младший научный сотрудник

Центра междисциплинарных исследований НИУ МФТИ.

Адрес: Мясницкая ул., 20, Москва, 101000; Институтский пер., 9, г. Долгопрудный, 141700

Российская Федерация

E-mail: amihaylovskiy@hse.ru

Статья рассматривает естественное состояние как модель, которая лежит в основании эпистемического идеала «гражданской науки» Томаса Гоббса. В первой части проясняется аргумент естественного состояния в контексте «новаторского» подхода Гоббса к «гражданской философии» (*philosophia civilis*), который существенно отличается от современных стандартов аргументации в этике и политической философии. Во второй связывается естественное состояние Гоббса и его «естественная логика» как специфическая «первая философия», стабилизирующая «первые определения» для «гражданской науки», необходимые для нее, но не являющиеся ее частью в собственном смысле. В третьей рассматривается естественное состояние Гоббса как «практический» мысленный эксперимент, возможный в силу специфических наблюдений за нашим повседневным опытом, которые обнаруживают наше знание себя. Здесь естественное состояние функционирует как полуфикция в терминологии Ханса Файхингера, то есть неформальная объяснительная модель, связывающая контрафактические возможности и действительность. Связь происходит в форме изобретательного «мысленного эксперимента» *внутри* действительности, который предоставляет не только «предельный случай», объясняющий ряд возможных ситуаций, но и континуум квазиповествовательных описаний возможных ситуаций и последовательностей событий, ведущих к «негативным последствиям», к несогласию во мнениях и противоречию в волях. В четвертой показывается, как эти квазиповествовательные описания схватываются пониманием модели естественного состояния как «возможных историй». Эти «возможные истории» предоставляют базовый «диапазон возможностей» (Spielraum в смысле Вольфганга фон Криса) для Гоббсовой «гражданской науки» как науки публичного права. Естественное состояние как «диапазон возможностей» позволяет уловить специфически политические возможности, формирующие «фон» для «гражданской науки» Томаса Гоббса. Таким образом, естественное состояние предоставляет «первые начала» (*principia*) для Гоббсовой «гражданской науки» в форме изобретательной вероятностной модели.

Ключевые слова: Томас Гоббс, естественное состояние, естественная логика, мысленный эксперимент, контрафактическая аргументация, полуфикция, диапазон возможностей

1. Естественное состояние и «гражданская наука» Томаса Гоббса

Естественное состояние¹ продолжает оставаться одним из наиболее проблематичных и спорных понятий политической философии Томаса Гоббса². Согласно аргументу философа, всякое состояние людей вне общей для них принуждающей власти (*potentia coerciva*) является анархией, или, точнее, «войной всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Привычное для современного гоббсоведения указание на то, что естественное состояние — это «гипотетическая ситуация» или «мысленный эксперимент», еще отнюдь не проясняет существо дела. Какого рода «гипотетической ситуацией» является естественное состояние?³ Как эта «гипотетическая ситуация» соотносится с «практической действительностью», т. е. историко-политической реальностью настоящего, прошлого и будущего? Почему для Гоббса три причины вражды, действующие вне «гражданских обществ»: соперничество (*Competitio*), обоюдное недоверие (*Defensio*) и жажда славы (*Gloria*)⁴, делают очевидным (*manifestum*) то, что естественное состояние вне принуждающей власти представляет собой «войну всех против всех» (*Bellum omnium contra omnes*)?

«Итак, очевидно (*manifestum est*), что пока нет никакой принуждающей власти (*Potentia coerciva*), до тех пор, <утверждаю я>, состояние людей (*conditionem Hominum*) то же, что и [состояние] войны каждого против каждого (*Bellum uniuscujusque contra unumquemque*)» (Hobbes, 2012: 193)⁵.

Почему «война каждого с каждым», согласно Гоббсу, *реальна*, несмотря на то что в *действительности* как в «безгосударственных общинах»⁶, так и в «республи-

1. Я употребляю это понятие без кавычек и подразумеваю под ним аргумент, или, шире, модель естественного состояния, как она формулировалась Томасом Гоббсом в различных трактатах от «Human Nature» (ок. 1637–1640) до латинской версии «Левиафана» (ок. 1676).

2. Библиография, посвященная проблематике Гоббсова «естественного состояния», сегодня почти необозрима. Из недавних работ следует упомянуть: (Филиппов, 2009а; 2009б; Hamilton, 2013; Vanderschraaf, 2019; Lloyd, 2021).

3. Такое «гипотетическое состояние» может быть понято в том числе как: (1) состояние несоциализированных, атомистичных индивидов; (2) состояние неограниченной свободы, в которой отсутствуют как внешние, так и внутренние ограничения поведения; (3) состояние правомерного частного суждения в условиях отсутствия взаимных обязательств; (4) состояние отсутствия общей, способной к принуждению власти (Vanderschraaf, 2019: 192).

4. См.: (Hobbes, 2012: 193). Подробнее см.: (Филиппов, 2009а: 109–111; 2009б: 115–116).

5. Ссылки на «Левиафан» даются по изданию Ноэла Малколма (Hobbes, 2012), поскольку оно уже стало библиографическим стандартом. Через точку с запятой указывается место в собрании сочинений Молсворта. Все остальные работы цитируются по собраниям сочинений Молсворта (Hobbes, 1839–1845а; 1839–1845б). Перевод выполнен автором везде, где не указано иное. Несмотря на то что перевод Н. Федорова может дать замечательное общее представление о латинском тексте, он не всегда соответствует современным стандартам терминологической точности, предъявляемым к переводу философской литературы. Автор ориентируется преимущественно на латинскую терминологию Томаса Гоббса, поскольку как трехчастный философский проект, так и наиболее зрелые версии «гражданской науки» (латинский «Левиафан») и эпистемологии Гоббса написаны на латинском языке.

6. Сразу отметим те ловушки, в которые легко попасть, когда мы начинаем употреблять понятие «безгосударственные общества», например, фиксируя описание Гоббсом жизни племен без «граждан-

ках» (*civitates*) в состоянии гражданской войны⁷ мы всегда эмпирически наблюдаем столкновения *более-менее крупных групп*, а не *отдельных индивидов*, т. е. не «войну каждого с каждым» в точном смысле этого слова (Филиппов, 2009а: 111)? Некоторые (по-видимому, южноамериканские⁸) племена индейцев, согласно Гоббсу, живут в *почти* естественном состоянии

за исключением того, что они подчинены отцовским законам (*legibus paternis*) в малых семьях (*familias parvas*), каковое согласие семей (*familiarum concordia*) поддерживается (*sustenitur*) лишь [естественным] желанием (*Cupiditatum*) (Hobbes, 2012: 195).

Если некоторые сообщества живут в *почти* естественном состоянии, значит, некоторые «признаки» естественного состояния *наблюдаемы* в сообществах несмотря на то, что естественное состояние представляет собой некоторую «идеализацию» и «гипотетическую ситуацию»⁹. В аргументе естественного состояния сходятся три ключевых вопроса политической философии Томаса Гоббса, сохраняющие актуальность как для гоббсоведения, так и для современной политической философии и социальной теории. (1) Как *соотносится* с историко-политической *действительностью* «умозрительная» и «идеализирующая» аргументативная конструкция отсутствия «общей власти» как «войны всех против всех» («каждого против каждого») (Филиппов, 2009а: 111)? Почему Гоббс настаивает на (ограниченной) *действительности* модели естественного состояния, ее периодической *проявленности* в практической жизни? (2) В какой степени естественное состояние или «война каждого против каждого» является *контрадикторной* противоположностью «гражданского (политического) состояния»?¹⁰ Является ли естественное состояние *неполитическим* («асоциальным»?) состоянием *изолированных индивидов* или, скорее, схватывает специфические политические («социальные») аспекты и содержания *интеракций индивидов* (Филиппов, 2009б: 114–116)? (3) Далее, если естественное состояние *контрадикторно* противоположно гражданскому и является его абсолютной «изнанкой»: «война каждого с каждым» против «общего мира всех», то каким образом модель естественного состояния может обосновывать «гражданскую философию» (*philosophia civilis*), трактующую о гражданском состоянии как состоянии мира под общей властью (*potentia communis*) и законами?

ского общества» (*civitatis*). Подробнее о проблеме отсутствия и присутствия «общества» и «общности» в политической философии Гоббса см.: (Filipov, 2013; Нопт, 2005: 20–22; 41–45).

7. Ключевые примеры естественного состояния в аргументации Гоббса в «Левиафане» см.: (Hobbes, 2012: 195).

8. Краткий обзор потенциально доступных Гоббсу этнографических материалов см.: (Hobbes, 2012: 195n2).

9. «Гоббс не описывает реальные события, он почти не обращается к реальной истории, но он имеет в виду то, что происходит в действительности» (Филиппов, 2009а: 111).

10. О том, что в «гражданской философии» Гоббса «контрадикторно» определяемые понятия начинают функционировать как *контрарные* см.: (Morris, 1987).

В сегодняшнем гоббсоведении можно выделить две основные стратегии разрешения комплекса проблем, связанных с понятием естественного состояния в философии Томаса Гоббса. Стратегия, характерная для современной аналитической философии, предполагает уточнение и корректировку аргумента Гоббса в соответствии с современными стандартами аргументации в политической философии (Kavka, 1986: 3; Hampton, 1986: 58; Vanderschraaf, 2019: 200). Альтернативная стратегия — попытаться понять аргумент естественного состояния *в соответствии* с той концепцией научного метода и «гражданской философии» (*philosophia civilis*), которую формулирует сам Гоббс¹¹. Принципиально, что его идеал «гражданской науки» недостижим для абсолютного большинства современных политических и социальных философов; иначе говоря, он ими недостижим, потому что он гораздо «слабее». Уникальность Гоббса обнаруживается в «смешении» (*impurity*), «нечистоте» его исследования: этот «смешивающий» (*impure*) способ исследования убедительно «накладывает» друг на друга и сопрягает различные, противоречащие друг другу с точки зрения современного философского анализа объяснительные модели¹². Я полагаю, что интерпретация модели естественного состояния *изнутри* представлений Гоббса о научном методе открывает значимые перспективы для уточнения и прояснения вопросов (1)–(3). Таким образом, непосредственная цель работы — установить эпистемологическое значение модели естественного состояния для «гражданской философии» (*philosophia civilis*) или «гражданской науки» (*scientia civilis*) Томаса Гоббса. Разрешение историко-философского вопроса оказывается здесь принципиально значимо для разрешения вопросов содержательных.

Сам Гоббс неоднократно утверждает, что именно он является изобретателем достоверно доказанной «гражданской философии» (*philosophia civilis*)¹³. Почему он полагает себя радикальным новатором в этой области, и какого рода знание представляет собой его «гражданская философия» или «гражданская наука»?¹⁴ Согласно Гоббсу, *philosophia civilis* представляет собой: (а) последовательно *доказанное знание* из очевидных первых начал (*principia*) или «первых определений»; (б) *конструктивное знание* о (действующих) «причинах справедливости» (*justitiae*

11. О достижениях сорбоннской (Ив-Шарль Зарка и др.) и кембриджской (Квентин Скиннер и др.) групп в исследованиях Гоббса см.: (Филиппов, 2009а: 103–104).

12. Основания для такой интерпретации этической и политической теории Гоббса как специфического, отличного от современной политической философии «способа исследования» (*mode of inquiry*) сформулированы в работах Нэнси Стрювер (Struever, 2009: 13–42). На русском языке о подходе Стрювер см.: (Иванова, Соколов, 2015).

13. «Но гражданская философия (*philosophia civilis*) является еще более недавним изобретением [чем физика], будучи не древнее [...], чем книга *De Cive*, которую я написал сам» (OL, I: xcxv). Ср.: «И если выяснится, что это [оптическое] учение истинно, то я заслужу репутацию первого, кто заложил основания (*lay the grounds*) двух наук: самой любопытной (*curious*), *Оптики*, и самой полезной (*profitable*) из всех, [науки] *Естественной справедливости* (*Natural Justice*)» (EW, VII: 471; *курсив авт.*).

14. О традиции понимания «гражданской науки» как *mathesis politica*, т. е. доказательно достоверного знания о «гражданских вещах», у Гоббса, и проблеме «оснований» для такого знания, у Гоббса, его оппонентов и последователей см.: (Иванова, Соколов, 2014: 115–149).

causas), то есть законах и соглашениях (*leges et pacta*) (OL, II: 94)¹⁵. Естественное состояние не является частью «гражданской философии» в собственном смысле, или «политики» (OL, I: 65), однако принадлежит к числу ее первых начал (*principia*) или «первых определений», поскольку

начала политики (*principia politicae*) состоят в постижении (*cognitione*) движений душ (*motuum animorum*), а постижение движений душ — в науке об ощущении и мышлении (*scientia sensuum et cogitationum*) (OL, I: 65).

В своем учении о методе Гоббс утверждает, что к естественному состоянию как «первым началам (*principia*) «политики» или конструктивной «гражданской науки» можно прийти как «синтетическим» методом, то есть начиная с «первых начал» (*primis principiis*) философии через геометрию к этике (моральной философии) как части физики, занимающейся движениями душ (OL, I: 65), так и «аналитическим» методом, то есть «исходя из опыта наблюдения (*observantis experientia*) своих собственных движений [души] каждым» (Ibid.). Гоббс утверждает, что «аналитический» метод, который апеллирует к «самопознанию» как способу постижения «первых начал» (*principia*) «гражданской науки», также приводит всякого к модели войны «каждого против каждого»:

то, что, если желания людей и движения душ не принуждаются некоей властью, они подталкивают друг друга к войне (*bello se invicem persecuturi*), можно постичь (*cognosci potest*) через опыт рассмотрения (*examinantis experientiam*) своей собственной души каждым (OL, I: 66).

Естественное состояние оказывается в центре обоих способов обоснования «гражданской науки». Исходя из учения Гоббса о методе, естественное состояние занимает место «первых начал», или «первых определений» *scientia civilis*. К модели естественного состояния, или «войны каждого с каждым», можно прийти различными способами: как через исследование аффектов и мышления человека, так и через «самопознание» или «самонаблюдение» (Hobbes, 2012: 194)¹⁶. Во второй части работы я показываю, как естественное состояние оказывается связано с «естественной логикой» (*natural logic*), своего рода «первой философией» (*philosophia prima*) для «гражданской науки». «Естественная логика» представляет собой «пруденциальное», т. е. основанное на «благоразумии» (*prudentia*) знание¹⁷, предоставляющее «первые начала» (*principia*) или «первые определения» для «гражданской науки». Таким образом, «естественная логика» оказывается своеобразным эпи-

15. Подробнее о конструктивном идеале «гражданской науки» и интерпретации в эпистемологии Гоббса т.н. принципа «знания создателя» см.: (Malcolm, 2002; Pettit, 2008: 18–23; Jesseph, 2010).

16. Классические постановки проблемы оснований, или «фундамента» гражданской науки Гоббса см.: (Strauss, 2008: 19–43; Strauss, 1956). О двух способах «вывода» или обоснования гражданской науки см.: (Nierney, 1985).

17. Об отделении «благоразумия» и «науки», *prudentia* и *sapientia*, у Гоббса см.: (Филиппов, 2009б: 118–119).

стемологическим содержанием модели естественного состояния. В третьей части работы естественное состояние рассматривается как специфический «мысленный эксперимент», осуществляемый *внутри* практической действительности и позволяющий то, что Гоббс называет «аналитическим» постижением модели «войны каждого с каждым». Я показываю, что этот специфически практический «мысленный эксперимент» функционирует в точности как полуфикция в терминологии Ханса Файхингера, т. е. неформальная объяснительная модель, связывающая «возможное» и «действительное». Естественное состояние как полуфикция представляет собой не только контрафактический «предельный случай», объясняющий ряд возможных ситуаций, но также континуум квазинарративных описаний возможных ситуаций, ведущих к негативным последствиям, противостояниям воле и несогласиям во мнениях. В четвертой части показывается, как эти квазинарративные описания, включенные в модель естественного состояния, схватывает их интерпретация как «возможных историй», на что указывает сам Гоббс в трактате «О человеке» (OL, II: 100). Естественное состояние как «возможные истории» предоставляет для «гражданской философии» Томаса Гоббса «первые начала» (*principia*), которые начинают функционировать как базовый «диапазон возможностей» (Spielraum Вольфганга фон Криса), «непредвиденные» фактические последовательности событий, являющиеся неизбежным фоном, квалификацией всякого политического и юридического, т. е. «гражданского» действия. Прояснение эпистемологического значения естественного состояния для «гражданской науки» Томаса Гоббса, таким образом, открывает значимые перспективы для ответов на актуальные вопросы политической философии и эпистемологии социальных наук.

2. Естественное состояние и «естественная логика» Томаса Гоббса: «первая философия» для «гражданской науки»

Противопоставление двух типов знания, «благоразумия» (*prudentia*) и «науки» (*scientia/sapientia*), является одной из наиболее характерных и постоянных черт эпистемологии Гоббса. Отчетливо сформулированное уже в «Человеческой природе» (EW, IV: 26–27), оно воспроизводится примерно в том же виде и в поздних трактатах¹⁸. К области «благоразумия» (предвидения/дальновидности/предусмотрительности) принадлежит любой вывод, основанный на опыте. Когда мы

18. В то же время определения «науки» довольно существенно варьируются: от «очевидности истины, основанной на некотором начале или принципе ощущения (beginning or principle of sense)» (EW, IV: 28) в «Человеческой природе» к «познанию предмета на основании его причины» в более поздних трактатах «О теле» и «О человеке» (OL, I: 2; OL, II: 92). Ноэл Малколм в этой связи говорит о двух конфликтующих концепциях научного знания у Гоббса: ранней концепции «науки как знания смыслов» и более поздней, «науки как знания причин» (Malcolm, 2002: 152–155). Я полагаю, такое противопоставление недооценивает как расширительное понимание «причины» у Гоббса, так и его «каузальное» понимание «смыслов», т. е. последовательностей представлений (ср.: Pettit, 2008: 18–23). На русском языке о прагматическом содержании теории языка Томаса Гоббса см.: (Плешков, 2010).

предполагаем, что нечто (с высокой вероятностью) произойдет в будущем, или что нечто имело место быть в прошлом, то всегда остаемся в рамках «пруденциального» знания, поскольку «опыт не заключает ничего со всеобщностью» (EW, IV: 18). *Prudentia*, или «опытное знание» — это знание частных ситуаций, событий и последовательностей событий, т. е. *cognitio facti* (Hobbes, 2012: 99). *Scientia*, или «наука» — это условное («если .., то») знание, которое предоставляет «всеобщие» выводы (все возможные следствия) из установленных нами определений «всеобщих имен» (Hobbes, 2012: 99–101). На первый взгляд кажется, что *prudentia*, или «благоразумие» Гоббса — это почти интуитивно ясное понятие. События случаются, мы предполагаем те или иные их исходы, иногда наши предположения оказываются верными, иногда мы ошибаемся, и предположения нас подводят.

Более пристальное рассмотрение, однако, обнаруживает, что «благоразумие» (*prudentia*) играет в «науке» (*scientia*) Гоббса гораздо более значимую роль, чем подсказывает нам его классическое противопоставление и «формальное» исключение «благоразумия» из области «философии» или «науки» (OL, I: 3). Гоббс раз за разом повторяет — всякая «наука» (*scientia*) и всякое «доказательство» (*demonstratio*) начинается с определений, самих по себе недоказуемых (OL, I: 71–72)¹⁹. В своих формулировках он часто делает акцент на «произвольности» (в смысле волевого установления учителя и обучающегося науке) и «конвенциональности» первых определений²⁰. В других местах своих работ, однако, Гоббс прямо говорит, что «общего согласия» недостаточно для достоверности рассуждения²¹. Для корректности «первых определений» недостаточно только «согласия воле» учителя и обучающегося науке; помимо «общего согласия» эти определения должны соответствовать реально имеющимся у нас «последовательностям представлений»²². В «Шести уроках профессорам математики» Гоббс поясняет, что создание (точнее, «нахождение», *inventio*) первых определений — это задача именно естественного благоразумия (*natural prudence*), а не «науки» в строгом смысле:

19. О ключевом значении *prudentia* для ренессансных гражданских наук см.: (Rosock, 2003: 1–31; Kahn, 1985; Garver, 1987). О «повороте» «гражданской науки» Гоббса от «благоразумия» к строгой логике см.: (Kahn, 1985: 152–182).

20. В набросках к «De Corpore» Гоббс предлагает следующую формулировку: «Первое утверждение [...] называют первым, поскольку оно есть первое в рассуждении; ведь ничто не может быть доказано, если имя вещи, которую исследуют, перед этим не было понято. Первые [утверждения] есть не что иное, как определения, или части определений; и они являются единственными началами доказательств, т. е. истинами, произведенными волей говорящего и слушающего (*veritates arbitrio loquentium audientiumque factae*)» (Hobbes, 1973: 467).

21. В «О гражданине» Гоббс утверждает, что все истины в вопросах права и философии зависят от «принятого употребления и общего согласия (*receptis usu et consensu communi*)» (OL, II: 412).

22. Например, в «Левиафане»: «ни рассуждение одного человека, ни рассуждение какого угодно числа людей не создает достоверность, точно так же как не создает достоверность подсчета то обстоятельство, что его единодушно одобрило большое число людей» (Гоббс, 1991: 31). В латинской версии трактата «единодушное одобрение» передается как «согласие многих» (*consensu multorum*) (Hobbes, 2012: 67).

«Обучение языку — это не математика, и не логика, и не физика, и никакая другая наука; и потому называть определение (как делаете Вы) математическим, или физическим, это свидетельство незнания, непростительного для профессора. Всякое учение (*doctrine*) начинается с понимания слов, и движется посредством рассуждения до тех пор, пока не придет к науке (*science*). Тот, кто изучает геометрию, обязан понимать термины прежде, чем он приступит к доказательству, и для этого понимания учитель ничего не доказывает, но лишь использует свое естественное благоразумие (*natural prudence*), как делают все люди, когда стремятся ясно донести смысл их слов» (EW, VII: 225-226).

Таким образом, одна из наиболее теоретически содержательных частей Гоббсовой *scientia* — «нахождение» (*inventio*) «первых начал» (*principia*), или «первых определений», исключается им из области «науки» или «философии» *stricto sensu* и рассматривается как активность, основанная на «естественном благоразумии» (*natural prudence*) учителя науки. Постигание «первых начал» той или иной науки не является частью *собственно* науки, а первая философия (*philosophia prima*) — это, строго говоря, «пруденциальное» знание:

Ведь определения — это первые начала (*principia*) наук (*scientiarum*), или первые предложения (*propositiones primae*) во всяком доказательстве (*demonstratione*); и если они не будут точными (*accuratae*), то все последующее окажется недостоверным (*incertae*) [...] Таким образом, необходимо изучить, как правильно создавать определения прежде всех наук (*omnes scientias*). Такое знание дела (*peritia*) или благоразумие верно определять (*prudencia recte definiendi*), которое приобретается опытом в употреблении слов, называется *Первой философией* (*Philosophia Prima*) (OL, IV: 26).

Например, то, что определение практического «благоразумия» Гоббсом представляется нам почти «интуитивно» понятным — это результат «естественного благоразумия» учителя в «нахождении» первых определений для «гражданской науки»²³. В случае «геометрии» «пруденциальная» пропедевтика, или «первая философия» (*philosophia prima*), представляет собой «нахождение» первых определений, проясняющих наши базовые представления о материальном мире: «тело», «движение», «количество», «математическое отношение» (*ratio*), «точка», «прямая», «плоскость» и т. д. В случае «гражданской науки» аналогом «первой философии», устанавливающей «первые начала» (*principia*) «науки», является «естественная логика» (*natural logic*) (EW, IV: 24)²⁴. В рамках своей теории «естественного

23. В «De Corpore» он говорит о том, что с помощью первых определений мы «возбуждаем в уме слушателя ясные и отчетливые идеи (*clarae et perfectae ideae*) или представления» (OL, I: 72), а также о соответствии первых «произвольных» определений «ощущению всех людей» (*sensu omnium hominum*) (OL, I: 11). Я не касаюсь здесь теории Гоббса об «определениях второго рода» или «конструктивных определениях», подробнее о ней см.: (Gauthier, 1997).

24. Наиболее детально эта теория «нахождения» первых определений изложена в поздних геометрических трактатах Гоббса (Hübener, 1977). Например, в «*Lux mathematica*» он пишет: «Определить термины всякой науки (*artis*) — не работа самой науки, и не какой-либо науки вообще: но, частью,

разума»²⁵ Гоббс стремится к установлению таких определений, которые стремятся наиболее точно зафиксировать наш *действительный опыт* практического мышления. Таким образом, Лео Штраус оказывается прав, когда говорит о «моральной базе» (лучше было бы сказать, «пруденциальной базе») гражданской науки Гоббса (Strauss, 2008: 19–43). То, чего Штраус, однако, не замечает и что приводит его к формулировке ложных дилемм в отношении интерпретации Гоббса (Strauss, 1956: 177) — это то, что «пруденциальный базис» является *общим* как для гражданской науки, так и для геометрии и естественной философии. «Естественная логика» Гоббса — это попросту «обратная сторона» его «первой философии», в которой «разнообразие движений» (*diversity of motions*) в наших представлениях рассматривается с целью познания наших когнитивных способностей, а не наших когнитивных способностей (OL, I: 82).

Исходным пунктом этой «естественной логики», отталкивающейся от принципа «познай себя» (*nosce teipsum*) (EW, IV: 26), является «мысленное рассуждение» (*discursion, mental discourse*). Наше «мысленное рассуждение» — это непосредственно переживаемое нами непрерывное движение представлений, которое всегда является *одновременно* аффективным и рациональным (Dumouchel, 1995). Аффекты и размышления имеют одинаковую природу (будучи представлениями) и действуют совместно во всяком «мысленном рассуждении»²⁶. Одной из ключевых стратегий в «нахождении» и стабилизации определений «естественной логики» является обращение Гоббса к когнитивным процессам животных. Животные способны к упорядоченным мысленным рассуждениям, способны понимать некоторые произвольные знаки, обладают благоразумием, обдумывают (*deliberate*) и имеют волю (Hobbes, 2012: 37, 93). Значимость этой стратегии особенно заметна в дискуссии Гоббса с Томасом Уайтом. Оппонируя классическим «топам» перипатетической теории познания и этики, которые воспроизводит Уайт, Гоббс раз за разом противопоставляет им свои «топы», определения, фиксирующие структурные аналогии человеческого и животного мышления (Hobbes, 1973: 351–356; 418–427). Как человеческое, так и животное «мышление» представляет собой не что иное, как «поток представлений», которые соединяются посредством базовых правил «практического вывода» (*practical inference*) из естественных знаков. «Разум» и «рассуждение», в строгом

естественного суждения (*judicii naturalis*), с помощью которого мы различаем, что в каждой вещи является сущностным (*essentialia*) и несущностным; частью, способности к нахождению (*ingenii ad inveniendum*) готовых слов и речей, посредством которых то, что во всякой вещи сущностно, уместно и подобающе (*proprie et adaequate*) обозначается» (OL, IV: 396).

25. Наиболее подробное исследование эпистемологических особенностей модели «естественной логики» Гоббса предложено Нэнси Стрювер (Struever, 2009: 25–36).

26. Как представляется, включающую «этику», «логику», «риторику» и основанную на них «политику» (Hobbes, 2012: 129). В латинском «Левиафане» все эти науки, согласно Гоббсу, «происходят из созерцания (*contemplatione*) людей и их способностей (*facultatum*)» (Hobbes, 2012: 129). В английской версии «Левиафана» эти же науки помещены в отдел «наук о человеке в особенности» раздела «естественной философии» (хотя «гражданская философия» повторена и в отдельном разделе) (Hobbes, 2012: 130–131).

смысле, это процессы «вывода» (inference) как (последовательное) «сложение» и «вычитание» представлений, в том числе «повседневные» нелингвистические «выводы»²⁷. «Естественная логика» Гоббса претендует на наиболее убедительное описание структур такого «повседневного» вывода (inference). Эти структуры являются общими для животных и людей, их корректное применение и представляет собой «благоразумие» (*prudentia*), то есть достаточность и насыщенность «практического опыта» для корректных заключений относительно «будущего исхода какого-либо действия» (*actionis futurum eventum*) (Hobbes, 2012: 43). «Естественный разум», о котором трактует «естественная логика» Гоббса, оказывается чем-то вроде набора структур «практического вывода», работающих с неупорядоченными и «недостоверными», множественными «естественными знаками» и «искусственными знаками».

Животное обладает той же «свободой воли», что и человек (EW, IV: 242–245). Человек отличается от животного отнюдь не тем, что способен контролировать свои аффекты, а тем, что его аффекты интенсивнее и разнообразнее, поскольку всегда ориентированы не только на действительное, но и на предвосхищаемое наслаждение (*foelicitas*) (Hobbes, 1973: 418–419)²⁸. Именно ориентация на предвосхищаемое наслаждение «интегрирует» обдумывание как последовательное колебание надежд и страхов (т. е. базовых аффектов) и практическое благоразумие как предвидение возможно большего числа негативных последствий тех или иных действий. Возможности и силы речи дополнительно интенсифицируют вариативность аффектов и ориентаций на возможные «наслаждения», в т. ч. мультиплицируют возможности «представляемых», предвосхищаемых наслаждений. «Биологизирующая» модель «естественной логики» конструируется Гоббсом с помощью ряда тесно связанных, определяемых друг через друга диалектических топов: «рассуждение», «благоразумие», «мнение», «обдумывание», «сила/власть», «честь», различные страсти и т. д.²⁹. Определения ключевых аффектов, с одной стороны,

27. Ср.: Récharman, 1990: 58–59. Собственно, отделить «мыслительные» (cognitive) силы духа (mind) от «движущих» (motive) можно лишь в предельном случае, с помощью мысленного эксперимента «уничтожения мира» (который сам, в свою очередь, направляется «страстью» любопытства), удостоверяющего прошлые представления агента и исключающего перспективу будущего целополагания (EW, IV: 2–3).

28. То, что принципиальным ресурсом для этих определений-топов Гоббса являются биологические трактаты и «Риторика» самого Аристотеля, прекрасно продемонстрировано Нэнси Стрювер и рядом современных исследователей (Struever, 2009: 13–20; Zatta, 2012; Xia, 2023). О понятии «наслаждения» (или «счастья», *foelicitas*) как ключевом для антропологии и этики Гоббса см.: (Abizadeh, 2019).

29. Например, «обдумывание» представляет собой «мысленное рассуждение» о будущих действиях, разворачивающееся в последовательной смене аффектов; сами аффекты — это представления о будущем, а всякое представление о будущем — представление о силе (power), способной нечто произвести (EW, IV: 37); «честь» — признание «силы» (Ibid.). Речь идет не о разных «способностях», а о различных «рассмотрениях» (considerations) ключевого феномена — действительно переживаемого «потока представлений», включающего ряд параллельных процессов «мысленного рассуждения» от «причин» к «следствиям» и обратно и «обдумывания» от «целей» к «средствам» и обратно (ср.: Récharman, 1990: 61–65).

являются предельно обобщающими³⁰, с другой стороны — всегда сохраняют связь с фактичностью ситуаций «повседневного опыта», обыденным языком описания мышления и действия. Аффекты оказываются не просто индивидуальными состояниями сознания — это одновременно социальные детерминанты действия, порождающие сравнение и соревнование (OL, II: 159–160)³¹, создающие резонанс в собрании, толпе или «множестве» (Hobbes, 2012: 113–115; 409–411). Аффекты и мнения образуют континуум: «порождение [begetting] мнения и страсти — это одно и то же действие» (EW, IV: 75). Наша воля следует за нашими мнениями, но наши мнения не определяются нашей волей (EW, IV: 70).

Модель «естественной логики» оказывается удивительно чуткой к феноменам лицемерия, несогласия, враждебности в нашем действительном опыте. По выражению Нэнси Стрювер, эта модель «очерчивает герменевтику, необычайно чувствительную к дисфункции» (Struever, 2009: 25). Принципиальным достижением модели «естественной логики» Гоббса становится насыщенное описание «повседневных дисфункций» межперсонального взаимодействия, ориентированное на «фактичность» опыта, т. е. имеющее в виду почти неограниченную вариативность обстоятельств³². Гоббс начинает со «смутного» «потока представлений», и далее сопрягает в своих определениях-топах «биологию» и «риторику», «физиологические» и «когнитивные» (мотивационные) аспекты мышления и действия³³. Таким образом, ему удается достичь «насыщенного описания» динамичной и неустойчивой аффективной структуры, которая составляет «материю гражданских союзов» (*civitatis materia*) (OL, II: 145).

Принципиально, что естественное состояние, являющееся специфическим обобщением и краткой «суммой» «естественной логики» Гоббса — это не только политическое состояние непрерывной войны, но и эпистемическое состояние непрерывного несогласия³⁴. Благодаря «топической» естественной логике Гоббсу удается произвести такое «смещение» проблемы несогласия, которое по-прежнему недооценено в политической теории³⁵. Проблема оказывается не в том, являются

30. «Слава» (*glory*) оказывается любым представлением о своей «силе», превосходящей силу других (EW, IV: 40), страх — «всякое предвидение будущего зла» (OL, II: 161).

31. Ср. ту структуру взаимности, которую Гоббс обнаруживает уже в «естественной похоти» или сладострастии: «это вожделение слагается из двух желаний: желания нравиться и желания получить удовольствие. Желание нравиться есть не чувственное, а удовольствие ума [joy of the mind], и состоит в представлении о своей способности доставить удовольствие другим» (EW, IV: 47–48).

32. Ср.: «о добре, или благе, говорят применительно к лицу, месту и времени [...], ибо природа добра и зла зависит от стечения конкретных обстоятельств (*συντυχία*) в вещах (OL, II: 97).

33. Тогда как современная систематическая философия видит в этом сопряжении «путаницу объяснительных моделей» (Peters, Tafjel, 1972: 174).

34. Собственно, одна из принципиальных характеристик естественного состояния заключается в том, что «каждый управляется своим собственным разумом» (Hobbes, 2012: 199) (ср.: Филиппов, 2009б: 115–116).

35. Ср. во многом противоположную тематизацию «несогласия» в политической философии Джона Ролза: несогласие признается в качестве фонового факта, но «резонное» (*reasonable*) несогласие сразу же строго отделяется от «нерезонного», «нерезонное» же объявляется философски неинтересным (Rawls, 2003).

ли несогласия и конфликты «рациональными» или «иррациональными», а в том, что «фактичность» конкретных обстоятельств, как правило, делает это противопоставление бессодержательным. То, что люди могут согласиться относительно некоторых общих определений, может лишь усугубить несогласия, возникающие в применении этих определений к конкретным ситуациям (EW, IV: 105; OL, II: 324–325). «Люди Гоббса» не могут выбирать, во что им верить, и не имеют (вне государства) стабильных источников ревизии своих убеждений помимо «непредвиденных несчастий, которые их постигают» (Hobbes, 2012: 959). Вместе с тем они постоянно, разнонаправленно и неупорядоченно влияют на убеждения друг друга. Действительность, или «фактичность» опыта оказывается истолкована таким образом, что реальные возможности для несогласия и конфликта в конкретных «стечениях обстоятельств» неизбежно обширны, тогда как согласие и солидарность (вне «принуждающего» гражданского союза) случайны и неизбежно неустойчивы. Знание о гражданских вещах (*scientia*), на создание которого претендует Гоббс, имеет свое начало или «начала» (*principia*) «в самом мраке сомнения» (OL, II: 138); в несогласиях, которые сомнения порождают. Знание о гражданских вещах требует согласие учителя и обучающегося науке относительно «первых принципов», или «первых определений». Такое согласие возможно с помощью порождения в ученике «очевидных» последовательностей представлений (EW, IV: 71). Знание о «гражданских вещах» требует наиболее убедительного прояснения, истолкования действительного *опыта несогласия* для ученика, которое только и может являться реальной мотивацией для принятия предложенных учителем «науки» специфических «первых начал» (*principia*) «гражданской науки»³⁶. Именно «пруденциальная» компонента «гражданской науки» как «естественная логика» развертывает модель естественного состояния и предоставляет «первые начала», или первые определения, от которых отталкивается собственно «научное» доказательство.

3. Естественное состояние как «мысленный эксперимент»

«Естественная логика» представляет собой модель мышления и действия, укорененную в повседневном языке и в понятных каждому «первых определениях». Эта модель оказывается последовательно связана с «первой философией», «геометрией» и «естественной философией» Гоббса. Каким же образом реализуется альтернативный, «аналитический» способ постижения «первых начал» «гражданской науки»? В этом случае Гоббс переходит к модели естественного состояния, *как бы напрямую* апеллируя к принципу *nosce teipsum*, т. е. к опыту непосредственного наблюдения за нашим поведением и поведением окружающих (Hobbes, 2012: 194–195). Гоббс утверждает, что непосредственный опыт еще раз убеждает нас в том, что естественное состояние представляет собой «войну всех против всех». В действительности, однако, в аргументе Гоббса апелляция к повседневному непосредствен-

36. Собственно, именно поэтому Гоббс говорит в «Левиафане» о том, что его знание о гражданских вещах «не имеет другого доказательства» (Hobbes, 2012: 21).

ному опыту постоянно соплагается с рядом *контрафактических ситуаций*. Он указывает на «повседневные примеры, дающие представление о естественном состоянии, на *действительные ситуации*: мы вооружаемся в путешествие, запираем двери от соседей, запираем сундуки от домашних. Но тут же приводит целый ряд *контрафактических ситуаций*: индейцы живут в *почти* естественном состоянии; гражданская война *дает представление* о естественном состоянии, не будучи действительной «войной каждого против каждого»; суверенные лица находятся в состоянии войны, но и это *не совсем* «война всех против всех» в точном смысле (Ibid.: 195–196).

Во вступлении к трактату «О гражданине» Гоббс говорит, что методологически корректное начало для достоверного знания о «гражданских вещах» — рассматривать государство (*civitas*), подобно часам в механическом исследовании, как «разобранное», «будто бы распавшееся» (*ut tanquam dissoluta*) (OL, II: 146). Это «как если бы» (*ut tanquam*) — свидетельство крайне специфической эпистемологической конструкции естественного состояния как «мысленного эксперимента». Например, мы можем говорить о «чисто естественном состоянии» (*statu mere naturali*), в котором невозможны отношения мать/отец — сын (OL, II: 164–165), поскольку «родительская власть» (*dominium paternum*) частично исключает состояние вражды «каждого с каждым» (OL, II: 255; EW, IV: 154–155). Однако в отношении действительных исторических повествований, будь то этнографическое описание жизни индейских племен или рассказ о гражданской войне, мы всегда имеем в виду *более или менее* «распавшееся» государство. Индейские племена находятся в *почти* естественном состоянии: чтобы представить естественное состояние в индейских племенах как *действительную ситуацию*, нам необходимо «мысленно отбросить» их «отцовские законы» (*leges paternis*) и аффективное «согласие» (*concordia*). Таким образом, мы обнаруживаем иные, *контрафактические ситуации* (последовательности событий), которые *мыслятся как возможные в действительности*, а не только в чисто гипотетической «пределной ситуации» или «идеальной модели».

Принципиально, что «мысленный эксперимент» Гоббса осуществляется *внутри* практической действительности³⁷. Всякая контрафактическая возможность (формулируемая с помощью модели естественного состояния) рассматривается как *частично реализованная*, то есть такая, которая происходила в прошлом или произойдет в будущем. С помощью модели естественного состояния Гоббсу удается понятийно фиксировать *динамически развертывающиеся процессы*, которые касаются установления и разрушения, «распада» гражданского порядка, удостоверяющего *эвентуальную возможность* состояний, «приближающихся» к «чисто естественному состоянию»³⁸. Определения «войны» и «мира» как исключających

37. Эта же теория «практической абстракции» присутствует в изложении «первых начал» (*principia*) геометрии Гоббса. Этот вопрос требует отдельного исследования.

38. «Естественное состояние войны всех против всех не надо понимать исторически конкретно [...] Но эта идеализация является идеализацией процесса, причем процесса генетического, порождающего новое» (Филиппов, 2009а: 111).

друг друга понятий (Hobbes, 2012: 193) скрывают «континуум», то есть различные возможные *степени, градации* гражданского беспорядка, задаваемые моделью естественного состояния (Lloyd, 2021). Например, затяжной юридический конфликт Карла I и депутатов парламента в 1640-х годах, который Гоббс называет «войной бумаг» (paper war) (EW, VI: 307), еще не является полноценной гражданской войной. Тем не менее как «война бумаг», так и последующая гражданская война может быть описана и упорядочена в некотором едином «континууме» («диапазоне») с помощью модели естественного состояния.

Важная работа Якоба Шмуца помещает проблему эпистемологической специфики модели естественного состояния Гоббса как «мысленного эксперимента» в контекст теории научного использования фикций Ханса Файхингера (Vaihinger, 2021). Согласно Файхингеру, в науке можно выделить несколько принципиально различных способов функционирования понятий: полуфикции, фикции и гипотезы (Vaihinger, 2021: 77–82). Полуфикции представляют собой понятия, противоречащие действительности (контрафактические), но потенциально совместимые с ней³⁹. Фикции — понятия, в полном смысле *противоречащие* действительности⁴⁰, в числе которых Файхингер называет математические, юридические, некоторые метафизические и физические (относящиеся к теоретической физике) понятия. Тогда как

полуфикции полагают нереальное, полные фикции — невозможное [...] первые ведут себя контрафактически, вторые — в противоречии с фактами (Vaihinger, 2021: 73).

Гипотезы, в свою очередь, всегда направлены на реальность и имеют эмпирическое содержание, требуя эмпирической *верификации*, а не теоретического *обоснования* (Vaihinger, 2021: 80–81). Шмуц замечает, что иногда естественное состояние используется Гоббсом как фикция, значимая в контексте нормативного «обоснования»⁴¹, а иногда как гипотеза, имеющая эвристический потенциал в отношении объяснения эмпирических последовательностей событий (Schmutz, 2011: 533). Удивительным образом, Шмуц не рассматривает естественное состояние как полуфикцию, тогда как именно эта перспектива способна разрешить обозначенные выше интерпретативные противоречия. Интерпретация естественного состояния как неформальной объяснительной модели, являющейся полуфикцией, обнаруживает в этой модели рассмотрение ряда контрафактических *возможностей*,

39. В качестве примеров полуфикций Файхингер приводит «искусственную классификацию» (Карл Линней) и модель человеческого действия, основанную на понятии «личного интереса» (Адам Смит) (Vaihinger, 2021: 15–18)

40. Файхингер говорит также о логической самопротиворечивости полных фикций (Vaihinger, 2021: 71), однако это один из наиболее спорных аспектов его теории (подробнее см.: Appiah, 2017: 6–17). Принципиально не то, что подход Файхингера философски корректен, а то, что он замечательно глоссирует метод Гоббса.

41. Аналогично «вуали неведения» у Джона Ролза или рациональности как трансцендентальной presupпозиции дискурса у Юргена Хабермаса (Schmutz, 2011: 517–518).

мыслимых в связи с их потенциальной *реализацией* в практической *действительности*. Альтернативные последовательности событий и «исходы действий», которые фиксируются моделью естественного состояния, могут быть представлены как исторические повествования, этнографические повествования, поэтические и мифологические повествования. Тем не менее все эти разнородные повествования располагаются и упорядочиваются в «континууме» между устойчивым гражданским порядком и предельной ситуацией «войны каждого против каждого». Естественное состояние как полуфикция *проясняет* наличную в данный момент «фактическую» действительность, поскольку локализует ее в «континууме» между войной и миром, определенным образом упорядоченного «диапазона» контрафактических возможностей.

Я полагаю, что естественное состояние Гоббса, специфически «практический», то есть ориентированный на практическую действительность «мысленный эксперимент», функционирует в рамках его метода как полуфикция. Такая интерпретация позволяет уточнить и скорректировать теорию использования Гоббсом «мысленных экспериментов». В своем фундаментальном исследовании трансформации методологии «мысленных экспериментов» от «Физики» Аристотеля до «Диалога о двух системах мира» Галилео Амос Функенштайн показывает, что важнейшей новацией ранненовременного понимания «мысленных экспериментов» являлась та объяснительная функция, которой наделялась моделируемая с помощью ряда контрафактических предположений «идеальная ситуация» (Funkenstein, 1986: 152–179). Таким образом, в «новой науке» Галилео контрафактически моделируемые идеальные условия «мысленного эксперимента» (свободное падение двух связанных тел) представляют собой «предельный случай» (limiting case), который является «идеализацией», но объясняет целый ряд *действительных* положений дел. Функенштайн полагает, что методология мысленных экспериментов Гоббса аналогична «теории идеализации» Галилео, и естественное состояние также является «предельным случаем» (limiting case) (Funkenstein, 1986: 337). Интерпретация естественного состояния как полуфикции, однако, подчеркивает *различия* между физико-математическим «мысленным экспериментом» Галилео и моделью естественного состояния как «практической абстракции». «Предельные случаи» Галилео представляют собой «идеальные» положения дел как *сами по себе невозможные в действительности*, но *объясняющие все возможные в действительности* положения дел, поскольку они моделируют («абстрагируют») исключительно универсальные характеристики положений дел (например, движения).

Файхингер называет такие принципы теоретической абстракции «фиктивной изоляцией» и классифицирует их как полные фикции (Vaihinger, 2021: 181). «Мысленный эксперимент» Гоббса *annihilatio mundi* действительно является в собственном смысле *фикцией* (*ficta universi sublatione*) и выполняет аналогичную роль «невозможного» положения дел, объясняющего всякое возможное восприятие изменения (OL, I: 81–82). С другой стороны, естественное состояние как полуфикция, своеобразный «мысленный эксперимент» *внутри* действи-

тельности, всегда ориентируется на «фактичность» практической реальности и предлагает совершенно иное направление «абстрагирования» и объяснения. Набор контрафактических возможностей, формулируемых в модели естественного состояния, проясняет и упорядочивает наличную «фактичность» частных «исходов действий», т. е. вариативность конкретных «стечений обстоятельств» (συντυχία). «Континуум» войны и мира, набор контрафактических, но (эвентуально) «реальных» возможностей позволяет приблизительно установить имеющуюся в действительности и ожидаемую в будущем «градацию» войны и гражданского порядка. В рамках естественного состояния как «практической абстракции» достаточно «неопределенные» фактические частные *действительные* ситуации оказываются локализованы в диапазоне *конкретных контингентных возможностей*. «Мысленный эксперимент» Галилео как «теоретическая абстракция», напротив, объясняет *действительность* (закона свободного падения) посредством *невозможного* положения дел, моделирующего *универсальные необходимые возможности*. Естественное состояние как полуфикция и неформальная объяснительная модель сопрягает частное и общее «без исчезновения частного» (Struever, 2009: 28). Эта модель, устроенная как «диапазон» контрафактических возможностей, не устанавливает *всеобщие и необходимые* положения дел (подобно физико-математическому объяснению), а обобщает единичные и контингентные последовательности событий.

4. Естественное состояние как «возможные истории»: «диапазон возможностей» (Spielraum) для «гражданской науки»

Два способа постижения «первых начал» (*principia*) «гражданской науки» *дополняют* друг друга и представляют достаточно связное и последовательное прояснение модели естественного состояния. В трактате «О человеке» Гоббс, рассуждая о пользе истории, еще раз касается оснований своей «гражданской науки»:

Гуманитарные знания (*literae*), особенно языки и истории, являются благом (*bonum*), ибо они радуют дух. Они также полезны, особенно истории: ведь истории предоставляют нам те наблюдения и опыты (*experimenta*), на которых основаны (*innituntur*) знания о причинах (*scientiae causarum*). Как естественная история [предоставляет наблюдения и опыты] для физики, так гражданские истории (*historiae civiles*) — для науки о государстве и морали (*Scientia Civili & Morali*); причем как истинные истории, так и ложные, если только они не являются невозможными (*modo non sint impossibiles*). Ибо в науках мы ищем причины не столько того, что было, сколько того, что могло бы произойти (OL, II: 100).

В контексте этого фрагмента модель естественного состояния оказывается истолкована как «возможные истории». Разнородные примеры «частичной» реализации естественного состояния *в практической действительности*, которые приводит

Гоббс⁴², объединяет именно то, что в рамках его теории действия («естественной логики») эти примеры являются *эвентуально возможными*. Таким образом, в модели естественного состояния оказываются суммированы «возможные истории» как повествования об «установлениях» и «распадах» гражданского порядка, «колебаниях» войны и мира, релевантные как для прошлого, так и для настоящего и будущего. Естественное состояние как объяснительная модель, состоящая из «возможных историй», *динамизирует* границу между «войной» и «миром», «естественным» и «гражданским», устраняет между ними непреодолимую «цезуру»⁴³. Модель естественного состояния очерчивает событийный фон для «гражданской науки», в рамках которого *всегда возможен* переход от «войны» к «миру» и обратно. Рассмотрение государств «как если бы» они распались в пределах связанной теории «человеческой природы» стабилизирует структуры контрафактического «исторического воображения». «Действительность», т. е. переживаемые нами конкретные, «фактические» ситуации, оказывается локализована в ряду «возможностей», представленных контрафактическими историческими повествованиями. Эти контрафактические повествования являются в точности разнородными «историями, которые, будучи как истинными, так и ложными, не являются невозможными» (OL, II: 100).

«Естественное состояние» как объяснительная модель представляет собой набор неформальных, «аналогических» объяснений, сопрягающих различные контрафактические исторические повествования. Эти «аналогические» объяснения особенно чувствительны к динамике переходов между «войной» и «миром». *Естественное состояние*, таким образом, оказывается наброском статистического «диапазона возможностей» (Spielraum) в смысле, удивительно близком к понятию Spielraum Иоганна фон Криса⁴⁴. Естественное состояние как «диапазон возможностей» расположено в области «онтологических», то есть конкретных и единичных детерминант вероятности «массовых контингентных событий» (kontingente Massenerscheinungen). Эти конкретные, «онтологические» детерминанты вероятности реализации контингентных событий определяются фон Крисом как «объективные возможности» (von Kries, 1886: 86–88). Естественное состояние обретает *определенный* «темпоральный горизонт». Этот темпоральный горизонт конституирован как «диапазон» возможных повествований, компилирующий повествования о «гражданских» дисфункциях и «коммуникативных» провалах. «Непредвиденные последствия», нежелательные «исходы действий» способны «вторгнуться» в последовательность событий на каждом ее «шаге» (Hobbes, 1973: 331–332). В модели естественного состояния оказывается элегантно сформулирована «статисти-

42. И которые включают повседневный опыт межперсонального взаимодействия, священную историю, этнографические описания и интерпретации мифов.

43. См.: Филиппов 2009а: 111. Ср.: Koselleck, 1976: 31–32; Walton, 1987.

44. Лучшая работа, посвященная значению теории «онтологической вероятности» фон Криса для современной юриспруденции и социологии, см.: (Lübbe, 1993). Более общие эпистемологические контексты теории фон Криса см.: (Fioretti 2001; Pulte 2016).

ческая»⁴⁵ вероятностная модель, которая ориентируется на «частотность» происходящих последовательностей событий.

Модель, имеющая в виду постоянную и *частотную динамику войны и мира, неустойчивость* всякого «гражданского порядка», позволяет прояснить понятие специфически «гражданской» (или *политической*) *возможности*. Всегда сохраняющиеся «негативные возможности» гражданской и политической жизни как «первые начала» гражданской науки позволяют далее сформировать понятие о «гражданской» («политической») *необходимости* и «гражданских» *невозможностях*. Например, ряд контрафактических аргументов в XVII главе «Левиафана», исходящий из модели естественного состояния, приводит к заключению, что «мир без подчинения» представляет собой *практическую невозможность* (Hobbes, 2012: 255–263). Альтернативные возможности, возможности «войны» всегда присутствуют в «темпоральном горизонте» как реальные практические возможности *иного* развития ситуации, *иной* последовательности событий, *иного* оборота дел, который был бы достаточно близок к произошедшему, но повлек бы за собой *иные* последствия, нарушил бы «устойчивость» ситуации, т. е. привычные и предсказуемые регулярности событий.

«Частное» и «общее» в «возможных историях» Гоббса связываются посредством теории, фиксирующей процессы нашего повседневного «практического вывода» (practical inference). «Естественная логика» Гоббса, «герменевтика» нашего «потока представлений», наполняет содержанием модель естественного состояния. Гоббс в своей теории «первых начал» оригинально развивает и трансформирует филиппо-рамыстскую традицию ренессансной диалектики как неформальной «теории доказуемости» и «теории убедительности» (Risse, 1960: 40). В рамках модели естественного состояния Гоббсу удается достигнуть в исследовании «гражданских вещей» специфического «союза диалектики и риторики» (Struever, 2009: 28). Анализ модели естественного состояния как «возможных историй» приводит к двум принципиальным вопросам, значимым как для конструкции «гражданской науки» Гоббса, так и для современных исследований в области эпистемологии наук о действии. Первый вопрос касается трансформаций практической «субъектности» (agency), которая переопределяется в модели естественного состояния как неопределенное «множество» (*multitudo*)⁴⁶. Вторым вопросом касается модального статуса «предельных» юридических понятий в «гражданской науке» Гоббса («естественное право», «суверенитет», закон *salus populi*) и их взаимодействия со «статистической» (частотной) объяснительной моделью «естественного состояния». С помощью модели естественного состояния как «возможных историй», Гоббс ярко показывает проблематичность опознания

45. В смысле ориентации на «частотность» происходящих событий или последовательностей событий. Например, в этом смысле Яаакко Хинтикка говорит о «статистической модели модальностей» у Аристотеля (см.: Hintikka, 1973: 93–113).

46. О «статистической модели множества» в гражданской науке Томаса Гоббса см.: (Stuever, 2009: 40).

граждански «своего» и «чужого», их регулярную «локальную» неразличимость, дисфункцию нашей способности различия «моего» и «твоего» в конкретных «стечениях обстоятельств» (συντυχίης).

Рассмотрение модальных импликаций естественного состояния и «предельных» понятий публичного права в «гражданской науке» Гоббса является перспективным исследовательским проектом, способным значимым образом уточнить наши современные концептуализации «нормативности» и «фактичности», возможности для их «сопряжения» в рамках современных «социальных наук» как «наук о человеке». Учение об «онтологической вероятности» фон Криса проясняет специфику «естественного состояния» как «статистической», ориентированной на темпоральные регулярности модели. Современные (достаточно разнородные по происхождению) аналитические инструменты модальной эпистемологии XX века (Иоганн фон Крис, Николас Решер, Яаакко Хинтикка) способны уточнить не только частные «прозрения» Гоббса, «по случайности» оставшиеся актуальными и сегодня, но и основные понятия его «научного метода» в общем контексте его специфически «практической» эпистемологии. Та область референции, которую очерчивает модель естественного состояния, остается принципиально недоопределена. Это создает достаточную свободу для исторической герменевтики реальных политико-юридических положений дел. «Война» оказывается способна существовать «внутри» «мира», а «внутри» (гражданского) мира всегда существуют локальные ситуации «войны». Всякая «война бумаг» (paper war) всегда *может* стать «гражданской войной» (civil war).

Литература

- Иванова Ю. В., Соколов П. В. (2014). Кроме Макиавелли. Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М.: Квадрига.
- Иванова Ю. В., Соколов П. В. (2015). Нэнси С. Стрьювер и «упущенные возможности Модерна»: гражданские науки раннего Нового времени как объект «риторики модальностей» // Вопросы философии. Т. № 6. С. 26–36.
- Плешков А. А. (2011). Статус языка в политической философии Томаса Гоббса // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 29–40.
- Филиппов А. Ф. (2009а). Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 102–112.
- Филиппов А. Ф. (2009б). Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 113–122.
- Appiah K. A. (2017). *As If: Idealization and Ideals*. Cambridge: Harvard University Press.
- Dumouchel p. (1995). Voir et craindre un lion // Rue Descartes. Vol. 5. № 12/13. P. 92–105.
- Filippov A. F. (2013). The other ‘Hobbes’ people’: An alternative reading of Hobbes // Journal of Classical Sociology. Vol. 13. № 1. P. 113–135.
- Fioretti G. (2001). Von Kries and the Other ‘German Logicians’: Non-numerical Probabilities before Keynes // Economics & Philosophy. Vol. 17. № 2. P. 245–273.

- Funkenstein A.* (1986). *Theology and Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Garver E.* (1987). *Machiavelli and the History of Prudence*. Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Gauthier D.* (1997). *Hobbes and Demonstration and Construction* // *Journal of the History of Philosophy*. Vol. 35. № 4. P. 509–521.
- Hamilton J. J.* (2013). *The Origins of Hobbes's State of Nature* // *Hobbes Studies*. Vol. 26. № 2. P. 152–170.
- Hampton J.* (1986). *Hobbes and the Social Contract Tradition*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Hintikka J.* (1973). *Time & Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality*. Oxford: Clarendon Press.
- Hobbes T.* (1839-1845a). *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, 11 vols. London: Bohn.
- Hobbes T.* (1839-1845b). *Opera philosophica quae latine scripsit*, 5 vols. London: Bohn.
- Hobbes T.* (1973). *Critique du De mundo de Thomas White* / J. Jacquot, H. W. Jones (eds.). Paris: Vrin.
- Hobbes T.* (2012). *Leviathan. Volume 2 & 3* / N. Malcolm (ed.). Oxford: Clarendon Press.
- Hont I.* (2005). *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge: Belknap Press.
- Hübener W.* (1977). *Ist Thomas Hobbes Ultranominalist gewesen?* // *Studia Leibnitiana*. Vol. 9. № 1. P. 77–100.
- Jesseph D.* (2010). *Scientia in Hobbes* // *Scientia in Early Modern Philosophy: Seventeenth-Century Thinkers on Demonstrative Knowledge from First Principles* / T. Sorell, J. Rogers Kraye (eds.). Dordrecht: Springer.
- Kahn V.* (1987). *Rhetoric, Prudence, and Skepticism in the Renaissance*. Ithaca & London: Cornell University Press.
- Kavka G.* (1986). *Hobbesian Moral and Political Theory*. Princeton: Princeton University Press.
- Koselleck R.* (1976). *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*. Baden-Baden: Suhrkamp.
- Lloyd S. A.* (2021). *The State of Nature as a Continuum Concept* // *A Companion to Hobbes* / M. P. Adams (ed.). Hoboken: Wiley.
- Lübbe W.* (1993). *Die Theorie der adäquaten Verursachung. Zum Verhältnis von philosophischem und juristischem Kausalitätsbegriff* // *Journal for General Philosophy of Science*. Vol. 24. № 1. P. 87–102.
- Malcolm N.* (2002). *Aspects of Hobbes*. N. Y.: Oxford University Press.
- Morris B.* (1987). *Hobbes's Entanglement with the Excluded Middle in his Theory of Man and Politics* // (eds.) *Hobbes's 'Science of Natural Justice'* / C. Walton, P. J. Johnson. Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers. P. 89–98.
- Nierney G.* (1985). *Hobbes: The Twofold Grounding of Civil Philosophy* // *History of Philosophy Quarterly*. Vol. 2. № 4. P. 395–409.

- Pécharman M.* (1990). Philosophie première et théorie de l'action selon Hobbes // Thomas Hobbes. Philosophie première, théorie de la science et politique / J. Bernhardt, Y.-C. Zarka (eds.). Paris: PUF. P. 47–66.
- Peters R. S., Tajfel H.* (1972). Hobbes & Hull: Metaphysicians of Behavior // Hobbes and Rousseau: A Collection of Critical Essays / M. Cranston, R. S. Peters (eds.). N. Y.: Anchor Books. P. 165–183.
- Pettit p.* (2008). Made with Words: Hobbes on Language, Mind and Politics. Princeton: Princeton University Press.
- Pocock J. G. A.* (2003). The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press.
- Prins J.* (1988). The Influence of Agricola and Melanchthon on Hobbes' Early Philosophy of Science // Rodolphus Agricola Phrisius, 1444–1485: Proceedings of the International Conference at the University of Groningen 28–30 October 1985 / F. Akkerman, A. J. Vanderjagt (eds.). Leiden: Brill. P. 293–301.
- Pulte H.* (2016). Johannes von Kries's Objective Probability as a Semi-classical Concept. Prehistory, Preconditions and Problems of a Progressive Idea // Journal for General Philosophy of Science. Vol. 47. № 1. P. 109–129.
- Rawls J.* (2003). The Domain of the Political and Overlapping Consensus // Debates in Contemporary Political Philosophy: An Anthology / D. Matravers, J. Pike (eds.). London & N. Y.: Routledge. P. 160–181.
- Rigotti E., Greco S.* (2019). Inference in Argumentation: A Topics-Based Approach to Argument Schemes. Dordrecht: Springer.
- Risse W.* (1960). Die Entwicklung der der Dialektik bei Petrus Ramus // Archiv für Geschichte der Philosophie. Vol. 42. № 1. P. 36–72.
- Schmutz J.* (2006). Épistémologie de la fiction: Thomas Hobbes et Hans Vaihinger // Les Études philosophiques. Vol. 79. № 4. P. 517–535.
- Strauss L.* (1956). What is Political Philosophy? And Other Studies. Chicago/London: University of Chicago Press.
- Strauss L.* (2008). Gesammelte Schriften. Bd 3. Hobbes's politische Wissenschaft und zugehörige Schriften — Briefe, 2nd ed. Stuttgart/Weimar: Metzler.
- Struever N. S.* (2009). Rhetoric. Modality. Modernity. Chicago: Chicago University Press.
- Vaihinger H.* (2021 [1924]). The Philosophy of 'As If'. London & N. Y.: Routledge.
- Vanderschraaf p.* (2019). The Character and Significance of the State of Nature // Interpreting Hobbes's Political Philosophy / S. Lloyd (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 191–205.
- Walton C.* (1987). Hobbes on the Natural and Artificial // Hobbes's 'Science of Natural Justice' / C. Walton, P. J. Johnson (eds.). Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers. P. 71–89.
- Xia E.* (2023). 'The Greeks Call It Horne': Hobbes anti-Aristotelian Account of Human Action // History of European Ideas. Vol. 49. № 8. P. 1316–1331.
- Zatta C.* (2019). The Desire to Live. Aristotle's Animals in Hobbes's Philosophy of Man // (eds.) Thinking the Greeks. A Volume in Honour of James M / B. M. King, L. Doherty. Redfield. London/N. Y.: Routledge.

State of Nature as “Possible Histories” in Thomas Hobbes’ “Civil Science”

Alexandr Mikhailovskiy

Post-graduate at the School of Philosophy, HSE University; Junior Research Fellow at Centre for Interdisciplinary Research of The Moscow Institute of Physics and Technology University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000; Institutskiy per. 9, Dolgoprudny, 141700, Russian Federation

E-mail: amihaylovskiy@hse.ru

The article deals with the Hobbesian state of nature as a foundational model for his epistemic ideal of “civil science.” The first part elucidates the state of nature argument in the context of the Hobbesian “innovative” definition of “civil philosophy” (*philosophia civilis*) which significantly differs in argumentative standards from contemporary ethics and political philosophy. The second part connects the Hobbesian state of nature and his “natural logic” as specific forms of “first philosophy” concerned with the stabilization of “first definitions” for “civil science”, necessary for “civil science” proper but not a part of it. The third part introduces the state of nature in Hobbes as a “practical” thought experiment made possible by specific observations of our own everyday experience revealed as self-knowledge. Here, the state of nature functions as Hans Vaihinger’s half-fiction, that is, as an informal explanatory model connecting counterfactual possibilities and actuality. The connection occurs in the form of an elaborate “thought experiment” *inside* actuality, providing not only the counterfactual “limiting case” explaining a range of possible situations, but also a continuum of quasi-narrative descriptions of possible situations and courses of events leading to negative consequences, namely, to controversy in opinions and contention in wills. The fourth part shows how these quasi-narrative descriptions are captured by an understanding of the state of nature model as “possible histories”, providing the basic “range of possibilities” (*Spielraum* in the sense of Wolfgang von Kries) for Hobbesian “civil science” proper as a science of public right. The state of nature as “*Spielraum*” allows us to capture specifically *political* possibilities which form the background for Hobbesian “civil science.” Therefore, the state of nature model provides the “first principles” for the Hobbesian constructive “civil science” in the form of an elaborate probabilistic model.

Keywords: Thomas Hobbes, State of Nature, Natural Logic, Thought Experiment, Counterfactual Argumentation, Half-fiction, *Spielraum*

References

- Appiah K. A. (2017) *As If: Idealization and Ideals*, Cambridge: Harvard University Press.
- Dumouchel p. (1995) Voir et craindre un lion. *Rue Descartes*, vol. 5, no 12/13, pp. 92–105.
- Filippov A. (2009a) Aktual’nost’ filosofii Gobbssa. Stat’ja pervaja [Relevance of Hobbes’s Philosophy. First Article]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 102–112.
- Filippov A. (2009b) Aktual’nost’ filosofii Gobbssa. Stat’ja vtoraja [Relevance of Hobbes’s Philosophy. Second Article]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 113–122.
- Filippov A. (2013) The other ‘Hobbes’ people’: An alternative reading of Hobbes. *Journal of Classical Sociology*, vol. 13, no 1, pp. 113–135.
- Fioretti G. (2001) Von Kries and the Other ‘German Logicians’: Non-numerical Probabilities before Keynes. *Economics & Philosophy*, vol. 17, no 2, pp. 245–273.
- Funkenstein A. (1986) *Theology and Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century*, Princeton: Princeton University Press.
- Garver E. (1987) *Machiavelli and the History of Prudence*, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Gauthier D. (1997) Hobbes and Demonstration and Construction. *Journal of the History of Philosophy*, vol. 35, no 4, pp. 509–521.
- Hamilton J.J. (2013) The Origins of Hobbes’s State of Nature. *Hobbes Studies*, vol. 26, no 2, pp. 152–170.
- Hampton J. (1986) *Hobbes and the Social Contract Tradition*, N.Y.: Cambridge University Press.

- Hintikka J. (1973) *Time & Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality*, Oxford: Clarendon Press.
- Hobbes T. (1839-1845a) *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury*. 11 vols., London: Bohn.
- Hobbes T. (1839-1845b) *Opera philosophica quae latine scripsit*. 5 vols, London: Bohn.
- Hobbes T. (1973) *Critique du De mundo de Thomas White* (eds. J. Jacquot, H.W. Jones), Paris: Vrin.
- Hobbes T. (2012) *Leviathan*. Volume 2 & 3 (ed. N. Malcolm), Oxford: Clarendon Press.
- Hont I. (2005) *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*, Cambridge: Belknap Press.
- Hübener W. (1977) Ist Thomas Hobbes Ultranominalist gewesen? *Studia Leibnitiana*, vol. 9, no 1, pp. 77–100.
- Ivanova J., Sokolov p. (2014) *Krome Makiavelli. Problema metoda v politicheskikh naukah rannego Novogo vremeni* [Beyond Machiavelli. Problem of Method in Early Modern Civil Sciences], Moscow: Kvadriga.
- Ivanova J., Sokolov p. (2015) Njensi S. Str'juver i «upushhennye vozmozhnosti Moderna»: grazhdanskije nauki rannego Novogo vremeni kak objekt « ritoriki modal'nostej » [Nancy S. Struever and Missed "Possibilities in the Modern Inquiry": the Early Modern Civil Sciences as an Object of the "Modal Rhetoric"]. *Voprosy filosofii*, no 6, pp. 26–36.
- Jesseph D. (2010) Scientia in Hobbes. *Scientia in Early Modern Philosophy: Seventeenth-Century Thinkers on Demonstrative Knowledge from First Principles* (eds. T. Sorell, G. Rogers, J. Krave), Dordrecht: Springer.
- Kahn V. (1987) *Rhetoric, Prudence, and Skepticism in the Renaissance*, Ithaca and London: Cornell University Press.
- Kavka G. (1986) *Hobbesian Moral and Political Theory*, Princeton: Princeton University Press.
- Koselleck R. (1976) *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*, Baden-Baden: Suhrkamp.
- Lloyd S. A. (2021) The State of Nature as a Continuum Concept. *A Companion to Hobbes* (ed. M. P. Adams), Hoboken: Wiley.
- Lübbe W. (1993) Die Theorie der adäquaten Verursachung. Zum Verhältnis von philosophischem und juristischem Kausalitätsbegriff. *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 24, no 1, pp. 87–102.
- Malcolm N. (2002) *Aspects of Hobbes*, N.Y.: Oxford University Press.
- Morris B. (1987) Hobbes's Entanglement with the Excluded Middle in his Theory of Man and Politics. *Hobbes's 'Science of Natural Justice'* (eds. Walton, C, Johnson, P.J.), Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers, pp. 89–98.
- Nierney G. (1985) Hobbes: The Twofold Grounding of Civil Philosophy. *History of Philosophy Quarterly*, vol. 2, no 4, pp. 395–409.
- Peters R. S., Tajfel H. (1972) Hobbes & Hull: Metaphysicians of Behavior. *Hobbes and Rousseau: A Collection of Critical Essays* (eds. M. Cranston, R. S. Peters), N.Y.: Anchor Books, pp. 165–183.
- Pettit p. (2008) *Made with Words: Hobbes on Language, Mind and Politics*, Princeton: Princeton University Press.
- Pécharman M. (1990) Philosophie première et théorie de l'action selon Hobbes. *Thomas Hobbes. Philosophie première, théorie de la science et politique* (eds. Bernhardt, J., Zarka, Y.-C.), Paris: PUF, pp. 47–66.
- Pleshkov A. (2011) Status jazyka v politicheskoi filosofii Tomasa Gobbsa [Status of Language in Thomas Hobbes' Political Philosophy], *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 3, pp. 29–39.
- Pocock J. G. A. (2003) *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*, Princeton: Princeton University Press.
- Prins J. (1988) The Influence of Agricola and Melanchthon on Hobbes' Early Philosophy of Science. *Rodolphus Agricola Phrisius, 1444–1485: Proceedings of the International Conference at the University of Groningen 28-30 October 1985* (eds. Akkerman, F., Vanderjagt, A. J.), Leiden: Brill, pp. 293–301.
- Pulte H. (2016) Johannes von Kries's Objective Probability as a Semi-classical Concept. Prehistory, Preconditions and Problems of a Progressive Idea. *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 47, no 1, pp. 109–129.
- Rawls J. (2003) The Domain of the Political and Overlapping Consensus. *Debates in Contemporary Political Philosophy: An Anthology* (eds. D. Matravers, J. Pike), London & N.Y.: Routledge, p. 160–181.

- Rigotti E., Greco S. (2019) *Inference in Argumentation: A Topics-Based Approach to Argument Schemes*, Dordrecht: Springer.
- Risse W. (1960) Die Entwicklung der der Dialektik bei Petrus Ramus. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, vol. 42, no 1, pp. 36–72.
- Schmutz J. (2006) Épistémologie de la fiction: Thomas Hobbes et Hans Vaihinger. *Les Études philosophiques*, vol. 79, no 4, pp. 517–535.
- Strauss L. (1956) *What is Political Philosophy? And Other Studies*, Chicago/London: University of Chicago Press.
- Strauss L. (2008) Gesammelte Schriften. Bd 3. *Hobbes's politische Wissenschaft und zugehörige Schriften — Briefe*, 2nd ed, Stuttgart/Weimar: Metzler.
- Struever N. S. (2009) *Rhetoric. Modality. Modernity*, Chicago: Chicago University Press.
- Vaihinger H. (2021 [1924]) *The Philosophy of 'As If'*, London/N.Y.: Routledge.
- Vanderschraaf p. (2019) The Character and Significance of the State of Nature. *Interpreting Hobbes's Political Philosophy* (ed. S. Lloyd), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 191-205.
- Walton C. (1987) Hobbes on the Natural and Artificial. *Hobbes's 'Science of Natural Justice'* (eds. Walton, C., Johnson, P.J.), Dordrecht: Nartinus Nijhoff Publishers, pp. 71-89.
- Xia E. (2023) 'The Greeks Call It Horne': Hobbes anti-Aristotelian Account of Human Action. *History of European Ideas*, vol. 49, no 8, pp. 1316–1331.
- Zatta C. (2019) The Desire to Live. Aristotle's Animals in Hobbes's Philosophy of Man. *Thinking the Greeks. A Volume in Honour of James M. Redfield* (eds. B. M. King, L. Doherty.), London/N.Y.: Routledge.